Современная литература российских немцев как фактор самоидентификации

Литература имеет широкий диапазон возможностей выражения проблем самоидентификации – от прямого, вербального их обозначения до косвенного отражения через категории ментального свойства (к примеру, жанр).

Писатели-российские немцы – явление, не вполне осознанное научной мыслью. Сложность определения их контингента обусловлена неоднозначностью идентификации российских немцев.

На трудность проблемы идентификации российских немцев указывают, к примеру, составители энциклопедии “Немцы России”: “Отбор биографических статей был осложнён отсутствием чётких критериев “немецкости”, размытостью самого понятия “немец”, “немцы”, имевшей место в российской традиции, в частности, смешением конфессионального и национального принципов идентификации и самоидентификации человека”[1].

Вызывает разночтения сам термин “российские немцы”. Имеются два самоназвания исследуемого этноса – “российские немцы” (калька с немецкого “die Russlanddeutsche”) и “русские немцы”. Второй этноним встречается значительно реже, чем первый, хотя и обнаруживается не только в художественных, публицистических, эпистолярных источниках, принадлежащих российским немцам, но и в отдельных энциклопедиях (см., к примеру: “…в последнее время они часто называют себя “русские немцы” независимо от того, в каком государстве бывшего СССР проживают”[2]). Более традиционным стало название “российские немцы”. На немецком языке иногда встречается выражение “Deutschrussen” (А. Шваб).

В подтверждение расширительного понимания термина “российские немцы” приведём мнение учёного, критика и писателя-российского немца Г. Бельгера: “Кажется, мне необходимо напомнить <…>, что под названием “российские немцы” имеются в виду вовсе не немцы, обитающие на территории России, а вообще весь этнос, который некогда был закамуфлирован под идеологическое клише “советские немцы” и разметён державной волей по всем городам и весям нынешнего несуразного Содружества Независимых Государств. Наши предки были – большей частью – и географически, и этнически – руссланддойче, и хотя мы – их потомки – теперь проживаем в России, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Украине, Германии и т.д., всё равно являемся “российскими немцами”[3]. Подобной позиции придерживаются и составители энциклопедии “Немцы России”: “Учитывая сложность самих понятий “немцы России”, “российские немцы”, Редакционная коллегия и участники проекта исходили из того, что в энциклопедии необходимо отразить деятельность немцев, живших на территории Российской империи, СССР и живущих ныне в Российской Федерации, Украине, Казахстане, других странах СНГ”[4]. Энциклопедия “Немцы России” не рассматривает историю этнических немцев Прибалтики, Польши, Финляндии.

Литература российских немцев в её вершинных и массовых проявлениях требует внимательного, разностороннего изучения. Важность её исследования усилена сложностью проблемы соотношения национального и межнационального в литературе.

Оговорим специфику российских немцев как литературной группы, обращая особое внимание на период второй половины XX в.

Несмотря на вызванную политическими причинами географическую разделённость, российские немцы второй половины XX – начала XXI вв. создали единую литературу. Её отличает сложное ментальное мирочувствование, особое мотивное поле – отражение тем депортации, трудармии,

войны, эмиграции. Политическая судьба сделала российских немцев субкультурным народом. Г. Бельгер заявляет даже о геттоизированности российских немцев в Германии[5] .

Преобладающий массовый характер российско-немецкой литературы свидетельствует о стремлении интеллигенции сохранить этнос в младших поколениях, используя воспитательную силу поэзии, а также о необходимости отражения на бумаге тягот, выпавших на долю народа, и путей их преодоления.

Писатели-российские немцы, в подавляющем большинстве, – билингвы. Вслед за В. Бадиковым следует уточнить понятие “художественный билингвизм”, который “предполагает прежде всего владение двумя языками в эстетическом, творческом плане, хотя на практике мы нередко имеем по крайней мере два типа: неполное (одностороннее) двуязычие и полное (двустороннее)”[6]. В первом случае литератор, хотя и знает два языка, использует для собственного творчества один из них, обращаясь ко второму лишь в переводах с него. Дополним, что знание языков может быть здесь разноуровневым – например, совершенное или беглое, но всё же не совершенное владение вторым языком.

В российско-немецкой литературной среде выделяются следующие виды использования языка в творчестве.

1. **Полное (двустороннее) двуязычие**. Ярким примером служит литературное и критическое творчество К. Эрлиха. Приведу цитаты из переписки с ним: “Даже запамятовал, писал я очерк о Сулейменове на русском или немецком. Оба языка у меня рабочие, так что иногда даже не помню, на каком языке та или иная вещь написана”; “русским и немецким владею примерно одинаково; у меня выбор языка зависит от темы, о которой пишу, или от аудитории, на которую рассчитываю”[7].

Могут быть заметны различия в немецкоязычном и русскоязычном творчестве одного автора. Так, на наш взгляд, стихи крупного российско-немецкого поэта В. Шнитке на немецком языке написаны более сложным стилем и в большей степени насыщены философской проблематикой, чем стихи на русском языке; наблюдаются отличия в хронотопе немецкоязычной и русскоязычной лирики Шнитке.

2. **Неполное (одностороннее) двуязычие.**

2.1. Писатель пишет преимущественно на немецком языке, владея русским языком и переводя с русского на немецкий (И. Варкентин).

2.2. Писатель использует в своём творчестве русский язык, зная немецкий язык и прибегая к нему в переводах с немецкого на русский (Р. Лейнонен).

3. **Одноязычие**.

3.1. Автор использует в своём творчестве только русский язык (О. Берггольц), не в совершенстве владея (не владея) немецким.

3.2. Автор пишет только на немецком языке (Н. Дэз), не в совершенстве владея (не владея) русским.

Советский поэт О. Берггольц, как известно, жила в сугубо русскоязычной среде. Н. Дэз с 1947 года живёт в Германии, чем и вызвана ассимиляция её знания русского языка немецким.

Творчество автора может эволюционировать, к примеру, от третьего типа ко второму и даже к первому (или регрессивно – от первого типа ко второму). Так, русскоязычный автор В. Гесс, поставив перед собой цель овладения немецким языком, в 2002 году предпринял попытку перевода немецких авторов (К. Брентано и др.). Эмигрировав в 2004 г. из СНГ (Уфа) в Германию (Кассель), через время В. Гесс под влиянием немецкой среды, возможно, сделает шаг к первому типу – полному художественному билингвизму, хотя инерция творческого мышления в подобных случаях может быть сильна.

В большинстве случаев российские немцы владеют, порой в разной степени, русским и немецким языками. Представители старшего поколения сохраняют в творчестве немецкий язык. Новое поколение российских немцев, выросшее в СНГ или в Германии, нередко проявляет знание одного языка – соответственно русского или немецкого, хотя и интересуется вторым “родным” языком. Русско-немецкий билингвизм – органичная составляющая российско-немецкой идентификации, что показывает среднее поколение, нередко владеющее двумя языками.

Особую группу должны составлять писатели смешанных кровей – полунемец-полуеврей В. Шнитке, полунемец-полурусский В. Гесс, полунемец-полулатыш О. Пладерс, полунемец-полуфинн Р. Лейнонен, немец-русский-украинец А. Шмидт и др.

Л. Вебер, отец которого – этнический немец, а мать – наполовину гречанка, наполовину русская, с 1991 г. живёт в Греции. Стихи он пишет на русском и греческом языках.

Большинство смешанных российско-немецких писателей сочетают в себе немецкую и русскую кровь.

В творчестве подобных авторов обнаруживаются следы интереса к национальностям, соединённым в их генетическом коде. Поэты создают описания своих сложных родословных, как, например, А. Шмидт:

КУСТ ГОВОРЯЩИЙ
Трохи я
Атрохов – фамилия матери,
А по отцу – немцу – Шмидт,
А по бабке – Вебер – уже ничего, только ветер
Над маленьким холмиком шумит.
А по другой – украинке – Горькавый –
Здесь в степи –
Ворон картавый,
Да полынный привкус горький,
Да колыханье ковыльных вый.
Вот сколько веток-ветвей – крови моей,
Целый куст – и не перекати-поле,
А тот
Горящий,
Глаголящий,
Говорящий.

Характерно сочувствие нациям, смешанным в крови. Р. Лейнонен, имеющий немецкие и финские корни и воевавший в 1939 г. в финской армии Отто Куусинена, в балладе “Матери”, изображая призыв советского новобранца на финскую войну, даёт неожиданный ракурс: “Пушки и люди на запад уходят // **Финских** сынов убивать…” (полужирный шрифт Р. Лейнонена. – Е.З.), неоднократно касается финской тематики в документальном повествовании “Жизнь на полустанке”. Среди писателей данной категории возможно проявление плюралингвизма.

Многочисленные факты указывают на особую, чаще двументальную природу творчества российских немцев. Распределим проявления самоидентификации в литературе российских немцев по типам.

I. В первую очередь, это прямые авторские заявления.

По мнению ряда российско-немецких литераторов (В. Гагин, И. Гергенрёдер, Н. Рунде и др.) российские немцы являются самостоятельным этносом.

Обратимся к цитатам. Известный российско-немецкий шансонье В. Гагин заявляет: “Я по национальности российский немец. Не немец. Я российский немец. Я считаю, что такая национальность существует”[8]. Романист И. Гергенрёдер на вопрос: “Считаете ли вы российских немцев самостоятельным этносом, возникшим под влиянием истории?” – отвечает: “У меня нет в

этом сомнений”[9]. Поэт, автор произведений для детей Н. Рунде на этот же вопрос даёт следующий ответ: “Да. Несомненно. Достаточно беглого взгляда на историю российских немцев, чтобы прийти к такому выводу. Я опираюсь в своих выводах и на исследование выдающегося историка и этнолога Льва Николаевича Гумилева “Этногенез и биосфера земли”. Особо интересны статьи “Этнический стереотип поведения”, “Пассионарное напряжение”. Это тема отдельного большого разговора”[10].

Приведём фрагменты интервью корреспондента газеты “Европа-Экспресс” с российско-немецким писателем В. Вебером:

“– Какой культуры Вы дитя?
– Немецко-русской или, если хотите, русско-немецкой: я немецкое и русское в себе не разделяю, они во мне слиты. Тем более что между ними много общего...
– Немецкое и русское начало в Вас – это “счастливый брак” или всё же “брак по расчёту”?
– Не знаю, счастливый ли, но явно не по расчёту. Какой тут расчёт, когда судьба сама вмешивается? Во мне изначально жило немецкое чувство. Что это такое, почему жило – не знаю. Сколько себя помню, всегда чувствовал себя немцем. При этом рос в атмосфере городка во Владимирской области – а более русскую атмосферу трудно себе представить – и, естественно, впитал в себя это русское, оно мне так же близко, как и немецкое. Мне кажется, я очень хорошо чувствую русского человека. Да я, собственно, им и сформирован. Но была семья, типичная, настоящая немецкая семья, мои чудесные родители, давшие мне воспитание, образование”.[11]

Богата ментальными характеристиками документальная проза Р. Лейнонена “Жизнь на полустанке”. Писатель отмечает, что в родительском доме говорили на немецком и русском языках, ребёнком его водили в лютеранскую церковь, немецкая родня прививала страсть к восприятию немецких книг, читая ребёнку вслух (“…в подлиннике я прослушал романы Рудольфа Херцога, Марлит, Хофмана, Гангхофера, Келлермана, Зудермана, Штраца, многие из которых сейчас уже нигде не найдёшь…”). Мать-немка и её сёстры общались с детьми на немецком языке, дети же чаще отвечали им по-русски. Интересен пассаж о том, как представлял свою национальную принадлежность подросток Лейнонен: “Поскольку отец мой был финном, мать немкой, а сам я родился и рос среди русских, я в детстве решил, что национальности у меня **н е т** (полужирный шрифт и разрядка Р. Лейнонена. – Е.З.). Предполагалось, что при получении паспорта в графе “национальность” я сделаю прочерк…”. Однако при непосредственном участии немецкой родни в паспорте Лейнонена была поставлена национальность “немец”[12]. В книге “Путь в ничто по шпалам отечества. Публицистика” в статье “И снова о немцах России” Р. Лейнонен в положительном ключе пишет о сугубо интернациональном характере своего детского восприятия мира, миролюбивых взаимоотношениях людей разных национальностей и горько обвиняет сталинскую политику в разжигании национальной розни[13]. В этой же книге в эссе-письме “Чужестранцы без родины” писатель задаётся вопросом идентификации российско-немецких переселенцев: “Я один из тех, кто нашёл в Германии прибежище. Кто же мы такие, тысячи и тысячи, которые сплошным потоком со всех сторон света стремимся в Германию? Мы, которые потеряли веру в справедливость и правду. Мы, которые стали чужаками в своей стране и останемся чужими и здесь… Кто я такой, Роберт Лейнонен, немец с финской фамилией, проклятый “фашист” в России, “русак” здесь, в Германии? Кто мы, российские немцы, что мы ищем здесь, на Родине наших предков?”[14]. Сами факты подобных вопросов, беспрестанных попыток самоидентификации, характерных для российских немцев, указывают на сложность и неоднородность их национального самосознания.

Литераторы других национальностей также обращают внимание на полиментальность российских немцев (см., к примеру, стихотворение казашки Д. Сагнай “На картину В. Эйферта “Автопортрет в шапке” и др.).

Отдельные российско-немецкие писатели заявляют о своей принадлежности сугубо к русской или немецкой культуре. К примеру, известный поэт советского периода О. Берггольц связывала своё творчество только с русской традицией: “Я бессмертна, ибо бессмертно русское искусство, русская революция, русский народ, русская земля”[15]. Н. Пфеффер, напротив, категорически утверждает,

что она “немецкая писательница”[16]. “По её мнению, – пишет журналист Н. Баева, – такое явление, как российско-немецкая литература, скоро совсем исчезнет. Через одно-два поколения переселенцы совсем “онемечатся”, и тогда речь будет идти о самых обычных немецких писателях”[17]. Подобные высказывания обостряют проблему идентификации и самоидентификации российских немцев, однако представляют собой исключения из общей тенденции. В их оценке важно учесть эпоху, территорию проживания и индивидуальную психологию литератора.

II. Утверждения о синтезе немецкой и русской культур в произведениях российских немцев и уникальности российско-немецкой культуры нередко встречаются в литературоведческой и критической литературе.

Авторы работ идентифицируют российских немцев как “особый этнос”, “своеобразный этнос” (Г. Бельгер), “народ” (ранее), “народность” (в наши дни) (К. Эрлих), “этнос” (С. Ананьева).

Специального монографического исследования ментальности и идентичности на материале литературы российских немцев нет.

Критиков и литературоведов, пишущих о российско-немецкой литературе, можно дифференцировать по этническому признаку: 1) российские немцы; 2) германские немцы; 3) представители других национальностей. Картина создаётся их общими усилиями.

1. Мнения учёных-российских немцев.

В своей книге “Помни имя своё”, рассуждая о двойственной природе жизни и деятельности российско-немецких литераторов, Г. Бельгер приводит формулу М. Цветаевой: “Здесь я не нужна. Там я невозможна”, обозначающую противостояние “здесь”/“там”. В подобном положении оказывается писательский контингент всего российско-немецкого этноса. Критик считает, что эмиграция немцев из России обеднит и Россию, и самих российских немцев, сила которых в двойной ментальности, сплаве культур. Г. Бельгер склоняется к выводу, что российские немцы остаются таковыми вне зависимости от территории проживания. “Я полагаю, что мы, руссланддойче, таковыми останемся ещё долго независимо от того, где обитаем – в России, Казахстане или Германии. Тут даже баварская шляпа с пером не спасёт. <…> Я лично считаю, что российские немцы – особый, своеобразный этнос, и потому – поелико возможно – он должен сохранить, сберечь себя, высоко держать свою голову, знать свою историю, помнить своих предков и не смиряться с жалкой долей быть вечно на обочине бытия”[18]. По мнению Г. Бельгера, именно благодаря защитной реакции российские немцы сохранили “тот своеобразный культурный слой, который был заповедан предками и имел глубокие германские корни”[19]. Даже став “кочевым” народом, российские немцы не потеряли своего национального духа. Будучи гражданами Германии, российские немцы консолидируются в землячества, объединения, издают двуязычные альманахи, журналы, газеты, книги – в этом, по мнению Г. Бельгера, знак их особого менталитета[20].

Не только Г. Бельгер, но и К. Эрлих считает, что служить национальной литературе можно и не на национальном языке. К. Эрлих, автор таких крупных исследований по российско-немецкой культуре, как сборники статей и эссе “Lose Blätter” и “Lebendiges Erbe”[21], своеобразно разделяет ментальность и идентичность, понимая под ментальностью сознательное, мировоззренческое явление, а под идентичностью – подсознательное, генетическое. Язык, по мнению К. Эрлиха, “в большей степени признак ментальности и лишь одна из составляющих идентичности”, поэтому и на “чужом” языке писатель может отражать свою немецкую идентичность. Критик приводит примеры не только российско-немецких писателей, но и, в частности, О. Сулейменова, чья “Глиняная книга”, написанная на русском языке, – триумф национальной казахской культуры[22].

2. Мнения германских учёных.

На особый характер литературы Russlanddeutsche указывает, к примеру, известный исследователь российско-немецкой литературы, германский славист А. Энгель-Брауншмидт, считающая

двументальных российских немцев “жертвами истории”, обретшими уникальную культуру[23]. Исследователь отмечает особенную судьбу советских немцев, их маргинальность.

Составитель “Справочника российско-немецкой литературы” А. Моритц обращает пристальное внимание на двуязычие авторов, факты их переселения, эмиграции[24].

А. Риттер относит российско-немецкую литературу не к “немецкому зарубежью” (“deutsches Ausland”), а к “немецкоязычному зарубежью” (“deutschsprachiges Ausland”) и придаёт ей статус “игнорируемой литературы”[25]. Это доказывает, что даже у А. Риттера, на мнении которого мы останавливались выше, возникает двойственное отношение к российско-немецкой литературе – как к части немецкой литературы и самостоятельному литературному явлению.

О своеобразии российско-немецкой литературы, её отличии от собственно немецкой говорит уже то, что, по данным В. Вебера, германские исследователи не называли её в перечне “5 немецких литератур” (литературы ФРГ, ГДР, Австрии, немецкоязычной Швейцарии, румынских немцев)[26].

3. Мнения учёных не немецкой национальности.

Проблему двументальности писателей-российских немцев затрагивает, к примеру, русский литературовед С. Ананьева, говоря об обретении российскими немцами новой родины, процессе возрождения исторической памяти[27]. Изучая творчество Г. Бельгера, русские исследователи С. Ананьева и Л. Бабкина отмечают в его произведениях традиции казахской, немецкой и русской литератур. Триментальность Г. Бельгера прослеживается учёными и по его жизненному пути. Так, студентом Бельгер избирает темой курсовой работы исследование “Ночной песни странника” Гёте в переводах Лермонтова и Абая (немецко-русско-казахское сравнительно-типологическое исследование). “Моим триязычием сразу заинтересовался профессор-тюрколог Сарсен Аманжолов, – вспоминает Бельгер. – Именно он увлёк глубоким изучением языков, заразил сопоставительной грамматикой, научил чувствовать красоту, вес, звук и вид слова”[28]. О диалоге культур в творчестве Г. Бельгера пишет казахский учёный Ж. Ескуатова[29].

Безусловно, российские немцы как критики и литературоведы смотрят на материал соплеменников и извне, и одновременно изнутри, с ракурса собственного национального мировоззрения. Однако, как видим, германские немцы, российские немцы и представители не немецкой национальности приходят к общему выводу о двументальности российско-немецких литераторов. Энциклопедия “Немцы России” создана коллективным трудом российских немцев (А. Герман), германских немцев (А. Энгель-Брауншмидт), учёных других национальностей (С. Бобылева, А. Терещенко), что также косвенно указывает на единодушие в отборе и интерпретации материала.

III. Сами художественные произведения российских немцев говорят о двументальной природе творческого мышления их авторов.

1. Уже названия книг российских немцев нередко указывают на двуплановость – к примеру, “Здесь и там” А. Шмидта.

У большинства российско-немецких авторов встречаются программные произведения, отражающие понимание российских немцев как особой национальной группы. Нередко подобные тексты прямо озаглавлены “Die Russlanddeutsche” [“Российские немцы”] (В. Шнитке), “Русские немцы” (Л. Розин), “Russlanddeutsche Berlin-Sonette” [“Российско-немецкие берлинские сонеты”] (И. Варкентин), “Русским” немцам” (Н. Рунде).

В. Шнитке размышляет о судьбе территориально разбросанного, униженного народа:

Die Russlanddeutschen

Ihre Dörfer schweben
im Nebel der Vergangenheit.
Ihre Herde weiden
unter dem Horisont.
Die Glocken ihrer Kirchen

liegen in der Erde.
Was hält den verstreuten
Volksstamm zusammen?
Das Bewußtsein eines vor Jahrhunderten
begangenen Irrtums?
Die Träume der Väter?

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ

Их деревни парят
в тумане прошлого.
Их стада пасутся
под горизонтом.
Колокола их церквей
лежат в земле.
Что держит вместе
разбросанное племя?
Осознание одного заблуждения,
которому больше века?
Мечты отцов? [30]

Лирическая героиня Н. Рунде выражает страдания уезжающих на “историческую родину” немцев. Стаи птиц, кружащиеся над оставшимися могилами, “словно кровные дети”, “шёпот стареньких ставень”, “поредевший ковыль и трава, что взойдёт на заброшенной крыше” – эти и другие мысленные образы преследуют эмигрантов, расстающихся с фактической родиной. Итог стихотворения, увы, пессимистичен: “Только выболит сердце насквозь, / Не найдя на вопросы ответа”.

Л. Розин пишет о мироощущении российских немцев в Германии. “Немых отцов немые дети”, “родившиеся где-нибудь в Сибири” и привыкшие беспрекословно молчать, обретают новую родину – Vaterland.

Примите нас, какие есть мы. У нас багаж противоречий: Да, мы поём по-русски песни И пользуемся русской речью. (Розин Л. Русские немцы)

Немцы в стихотворении Л. Розин возвращаются в Германию, как “домой”, но говорят пока по-русски.

Нам много лет, но мы опять младенцы – Мы не умеем даже говорить. Нас принимают, кормят, учат жить, И называют нас – переселенцы. Смешные мы: в стране, совсем чужой нам, Находим то, что не теряли даже. Живётся нам здесь тихо и спокойно, А наши души – главную пропажу – Оставили мы где-то на таможне… (Розин Л. Переселенцы)

В “российско-немецких” сонетах И. Варкентина Германия дана глазами философичного и ироничного переселенца 1980 – начала 1990 гг., который, глядя со стороны и одновременно изнутри, рассуждает о противостоянии ГДР и ФРГ, “немецко-немецких” отношениях, бросает ретроспективный взгляд за “ту сторону Урала” и “обозревает” действительность за “этой стороной Одера”.

Российские немцы в произведениях заявляют о своём двуязычии. Так, лирическая героиня Н. Ваккер в стихотворении “Zwei Muttersprachen” [“Два родных языка”] гордится владением русским и немецким языками:

Als seltnen Reichtum hat das Leben Zwei Muttersprachen mir gegeben…

[Как редкое богатство дала мне жизнь два родных языка…]

Г. Вормсбехер комментирует факт описанного Н. Ваккер двуязычия: “В этой же связи по меньшей мере бестактными выглядят сегодня упреки и в адрес нашей уважаемой Нелли Ваккер за ее стихотворение “Два родных языка”, написанное в те времена. Это стихотворение сыграло тогда большую роль. Оно правильно отражало языковую ситуацию у советских немцев: депортация, распыление народа по огромной территории, отсутствие национальных школ и насильственная ассимиляция действительно привели к тому, что для многих советских немцев практически вторым родным языком стал русский язык. Абстрагируясь от причин, о которых Нелли Ваккер писать тогда, конечно, не могла, правомерно и сегодня отметить жизненно важное значение знания русского языка для нас как граждан русскоязычной страны. Через русский язык мы получили доступ к образованию, к многонациональной культуре и литературе страны, к мировой культуре и литературе”[31].

Во многих стихотворениях российских немцев передаётся ощущение тоски по родине (das Heimweh): в большинстве случаев по фактической родине России (стихи из эмиграции), в меньшинстве – по исторической родине Германии (стихи в предчувствии эмиграции). Преобладание первого типа закономерно: человек в большей степени тоскует по испытанному, потерянному, чем по воображаемому, грядущему.

Неожиданный ракурс избирает для отображения ностальгической ситуации В. Шнитке в стихотворении “In der Apotheke” [“В аптеке”]: отчаявшийся лирический герой просит в аптеке лекарство от ностальгии.

Fräulein, haben Sie ein Mittel gegen Heimweh?

[Девушка, есть ли у Вас средство от тоски по дому?]

Страдания российских немцев, как видим, во многом вызваны их двойственной ментальностью – “несоответствием” места жительства этнической принадлежности, разлукой с фактической родиной.

В отдельных произведениях российских немцев тема двументальности, принадлежности к двум национальностям (или – одновременно – ни к одной из них) заявлена прямо, как, например, в стихотворении А. Шмидта “Пещера”:

– Ты – русский, – Утверждают знающие меня немцы. – Ты – немец, – Внушают мне знакомые русские. – Я – никто, – Говорю я на всякий случай. И под циклопическими сводами пещеры Летучие мыши эха
Испуганно вопрошают: – Кто?.. Кто?.. Кто?..

Показателем ментальности в произведениях российских немцев становится и изображение топонимики. Так, для русскоязычного В. Шнитке характерно неустанное живописание Москвы (“Декабрь. Ночь. Москву заносит вьюга…”, “В московское небо тончайшей кистью…”, “Когда жара глумится над Москвой…” и др.), обнаруживается даже идентификация лирического героя с Москвой:

Патриаршие. Малая Бронная, Спиридоновка – это я. (Шнитке В. “Патриаршие…”)

Однако далее в этом стихотворении перечисление важных составляющих лирического “я” идёт от русских и общекультурных примет к немецким:

Это – вазочка венецианская, нидерландский старик на стене, и немецкий язык, и германская мифология в призрачном сне.

Характерно, что пространственной доминантой русскоязычных стихотворений Шнитке является Москва, а немецкоязычных – Поволжье:

Salz an der Wolga. Böses Gewitter. [“Соль на Волге. Злая гроза.”] Wenn, fremd im Dorf meiner Väter, ich stumm unsren Hof passiere… [“Когда, чужой в деревне моих отцов, я безмолвно оказываюсь на нашем дворе…”]

Доминирующие координаты времени у русскоязычного и немецкоязычного Шнитке соответственно – современность (жизнь в Москве) и прошлое, детство (жизнь в немецкой

деревне), что нередко отражено во временной форме глаголов:

Есть (подчёркивание наше. – Е.З.) булочная на Ордынке… Das Gras im Hof war Wiesenland… [Трава во дворе была долиной…]

Лирический герой русских стихов Шнитке – взрослый человек, живущий сегодняшними проблемами, в то время как лирическое “я” немецких стихов – взрослый человек, глядящий в своё прошлое, когда он был ребёнком, юношей.

Я говорю: “Мне скоро сорок восемь”. Ты: “Для мужчины это лучший возраст”. Wenn auch klein, der Ort verlief sich in drei Dutzend krumme Gassen… [Когда был маленьким, я плутал в трёх дюжинах кривых переулков…]

Именно поэтому для немецкоязычного Шнитке так важны образы родителей, а для русскоязычного – образ возлюбленной.

Российские немцы выносят знаковые для них топонимы в названия книг (к примеру, книга стихов В. Эккерта называется “Die Taiga ist in Dunkel geraucht” [“Тайга погружена во тьму”]: высланный в тайгу, автор затем остаётся на долгое время жить в Сибири) и стихотворений. Номинации в основном отсылают к реалиям российским (Бер И. Russische Provinz [Русская провинция]; Гюнтер Э. Mutter Russland [Россия-матушка]; Гердт В. Am Kreml [У Кремля]) и германским (Мангольд В. Deutschland, hin und zurück. Reisegedichtzyklen [Германия, туда и обратно. Поэтические циклы-путешествия]; Гейнц В. Deutschland. Ein Herbstmärchen” [“Германия. Осенняя сказка”]; Гизбрехт А. Осенний Рейн), одновременно к России и Германии (Кравцова М. “Взорваны в Москве и Дюссельдорфе…”), а также к местам выселения немцев – например, Казахстану (Варкентин И. Kasachstan, Alma-Ata; Вебер Р. Караганда). Особое место занимают волжские мотивы в названиях – “An der Wolga” [“На Волге”] К. Ольберга, “Die Wolgasteppe” [“Волжская степь”] Ф. Зиннера. Более конкретные топонимы фиксируют порой места встреч российских немцев – к примеру, “Internationaler Kongress, Moskau, 1966” [“Международный конгресс, Москва, 1966”] Л. Франк.

2. Нередко художественные тексты российских немцев несут в себе следы, языковые наслоения второго языка, к примеру, русскоязычные тексты – вкрапления немецкого.

Обратимся, например, к стихотворению К. Петкау “Незабудка”. Слово “незабудка”, вынесенное в заглавие, в самом тексте встречается только в немецком варианте (“die Vergismeinnicht”). Оно “приспосабливается” к русской фонике, вступая в рифменные отношения со словами “стих”, “городских”, “миг”, “простых”. Ненавязчивость, лёгкость этих рифм указывает не на экспериментальный, а на достаточно непринуждённый характер стиха К. Петкау, на органичность появления немецкого слова в русскоязычной ткани произведения российского немца.

Вкрапление немецких фраз в современные российско-немецкие русскоязычные стихи высокочастотно: это доказывает тяготение русскоязычных немцев к немецкому языку. Реже происходит вкрапление в немецкий текст русских слов. Подобных примеров практически нет в современных текстах. Примеры включения русских слов в немецкую ткань стиха характерны для советских немецких произведений. К примеру, цитата из стихотворения “Mein Moskau” [“Моя Москва”] В. Эккерта:

Ich sage dir: Mein Moskau, do swidanja! [Я скажу тебе: Моя Москва, до свиданья!]

Такие строки были вызваны культивацией в советское время русского языка, его высокой миссией как языка межнационального общения. Показательна и другая фраза из цитируемого выше стихотворения В. Эккерта:

…doch schöner als in allen andern Sprachen klingt russisch das “Moskwa” aus deinem Mund. […ведь красивей, чем во всех остальных языках, звучит по-русски “Москва” из твоих уст.]

Подобное явление возможно и в произведениях переселенцев в Германию. Так, русскоязычный по преимуществу триптих Е. Келлер “Engelsingen” уже начиная с названия содержит немецкоязычные вставки. Всего в этом цикле из 3 стихотворений на русскоязычном фоне используется 6 немецких

слов, причём фонетическая игра русского слова “ангел” и немецкого слова “angeln” (“ловить рыбу”) ориентирована именно на читателя-билингва, владеющего русским и немецким языками:

Мой ангел Engel gehst du heute angeln… […ангел идёшь ты сегодня ловить рыбу…]

Случайное фонетическое родство разноязычных слов рождает в сознании поэта – русской переселенки в Германию сложную смысловую цепочку (ловец рыбы – ловец человеков – ангел): в итоге цикла ангел приводит лирическую героиню к спасению.

Специфическое движение мотивов может обусловить появление в немецком тексте не только русских слов, но и слов из других языков. Так, в “маленькой поэме” Н. Ваккер “Gedichte aus der Kriegzeit (1941-1945)” встречается казахское предложение: “Kel, kel, ainalain…”. Появление этой фразы, произнесённой героиней-казашкой и означающей в переводе с казахского “Входи, входи, родная…”, обусловлено движением сюжета: попавшую в лютую метель героиню-немку спасает казахская женщина.

Многие российско-немецкие поэты – переводчики с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. Так, И. Варкентин перевёл на немецкий язык вершинные произведения русской классики – стихотворения А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, М. Цветаевой, А. Блока, С. Есенина, Н. Заболоцкого, А. Вознесенского и др., опубликовав переводы отдельной книгой. Блестящие переводы немецкоязычных стихотворений (произведений Г. фон Гофмансталя, Г. Тракля, П. Целана и других немецких поэтов) на русский язык принадлежат, к примеру, В. Веберу.

Русско-немецкие эксперименты приводят по преимуществу русскоязычного поэта А. Дитцеля к различным формам отражения смешанной языковой ментальности (отдельным опытам оригинальных стихотворений на немецком языке, переводам из немецкоязычных авторов, переводам на немецкий язык произведений русскоязычных авторов, апелляции в русскоязычных текстах к немецким мотивам и аллюзиям из немецких авторов, написанию русскоязычного текста латиницей).

3. О самоидентификации российских немцев говорят не только зримые, но и глубинные слои художественного текста, к примеру, связанные с жанровой установкой.

Жанр и этническая картина мира обладают органичным сходством. Оба умозрительных явления предстают образами мира, элементами классификаций, исторически сложившимися данностями, совокупностями компонентов, открытыми системами с подвижными границами. Будучи соразмерными миру, жанр и этническая картина мира отражают определённое его видение. Прямо перекликаются отдельные параметры жанра и этнической картины мира: субъектно-объектная организация жанра / этнические оппозиции “я – другие”, “индивидуум – коллектив”; пространственно-временная организация жанра / пространство и время в этнической картине мира; и др.

Выход жанроведения на новый, феноменологический уровень исследования показал, что жанр самостоятельно идёт по траектории своего развития. Повышение роли авторства на рубеже XVIII-XIX вв., этапе “эстетики рефлективного антитрадиционализма” (С. Аверинцев), “поэтики художественной модальности” (С. Бройтман), порождает категорию жанрового сознания. На данной стадии литературной эволюции совершается переход от жанра как устойчивой абстрактно-теоретической модели к жанру как художественной категории феноменологического сознания. Достижения современного литературоведения в области жанра, обращение к жанровому сознанию (О. Зырянов), метажанровым общностям (С. Ермоленко), историко-культурным аспектам жанра (А. Эсалнек) позволяют вплотную подойти к изучению жанра в аспекте этнической картины мира.

Посредством изучения литературных (в связи с заявленной темой в большинстве своём поэтических; прозаические источники иногда привлекаются в качестве фона) источников, в основном периода второй половины XX – начала XXI вв., а также привлечения исторических, публицистических, эпистолярных источников нами была реконструирована этническая картина мира российских немцев. Мотивация выбора нами периода второй половины XX – начала XXI вв.

для изучения этнической картины российских немцев двойная. Во-первых, данный период является наиболее сложным для российских немцев, переживших в эти годы депортацию, трудармию, спецпоселение, тщетность восстановления Республики немцев Поволжья, эмиграцию в Германию. Во-вторых, по мнению отдельных учёных, говорить о российских немцах как об окончательно сложившемся народе можно только с 1941 г.[32] Г. Вормсбехер называет даже дату рождения российских немцев: “В 1764 году первые немецкие колонисты прибыли, по приглашению царского правительства, из Германии на Волгу, и день их прибытия в пустую заволжскую степь стал днем рождения нового народа”[33], однако эта дата, безусловно, символическая.

Как показало исследование, модель мира для российских немцев – дорога к родному Дому, родине. Это гибридный, русско-немецкий мирообраз: по Г. Гачеву, модель мира для немцев – Дом, для русских – направление в бесконечность, путь-дорога. У российских немцев – совмещение двух этих моделей. Отличие германской (Дом) и российско-немецкой (стремление к Дому) моделей мира – в наличии Дома и отсутствии его. Мирообраз российских немцев динамический, но для них характерен приоритет статики над динамикой, возникший в противостоянии вынужденному “кочевью”.

Основными элементами этнической картины мира российских немцев являются осознание окружённости своего чужим, бытование внутри другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, ощущение “нигде на родине” или “везде на родине”, генетический страх перед изгнанием, состояние постоянной уязвимости, страх быть заметнее других, повышенный интерес к растительной символике (слабые растения, растения без корней), обострённое желание законного отношения к родному этносу, стремление подчеркнуть своеобразие родного этноса, стремление к интеграции внутри своего этноса. Взаимопереводимость российско-немецких ключевых понятий (с русского языка на немецкий и с немецкого на русский) не всегда возможна. Автор диссертации считает, что при исследовании бикультурного или поликультурного объекта правомернее пользоваться термином “ключевое понятие” вместо “лингвоспецифичное слово”, хотя второй термин может применяться относительно одного из языков носителя билингвальной культуры. Автором статьи определены и охарактеризованы основные национальные ключевые понятия российских немцев – “das Heim“/“die Heimat”/“(родной) дом”/“Родина”, “die Angst”/“страх (из-за уязвимости)”, “der Weg”/“путь”, “die Verbannung”/“изгнание”, “das Recht”, “die Gerechtigkeit”/“право”, “справедливость”, “die Hoffnung”/“надежда”.

Выявление этнической картины мира позволило провести в её контексте анализ жанровых процессов в поэзии российских немцев.

Каковы связи между жанром и этнической картиной мира? Жанр, являясь “формулой добытой эстетической истины” (Ю. Стенник), тесно сопряжён с мышлением автора, народа, эпохи. Благодаря своей способности сохранять эстетико-философскую память эпохи жанр обладает адекватными способностями для передачи мировоззренческих, в том числе национальных ощущений. Литература в целом способна отражать этническую картину мира того или иного этноса, жанр – определённые её компоненты.

Очертим тенденции отражения элементов этнической картины мира российских немцев и их национальных ключевых понятий в жанрах.

Осознание окружённости своего чужим, приоритет статики над динамикой отражаются в идиллии; бытование внутри другого, стремление к автономности – в идиллии и шванке; ощущение “нигде на родине” или “везде на родине” – в элегии, послании, поэме, отрывке, Dreizeiler; генетический страх перед изгнанием – в идиллии, поэме, молитве; состояние постоянной уязвимости – в элегии, послании, басне, балладе, молитве, псалме; страх быть заметнее других – в балладе и молитве; повышенный интерес к растительной символике (слабые растения, растения без корней) – в басне; обострённое желание законного отношения к родному этносу – в послании, элегии, молитве, псалме; стремление подчеркнуть своеобразие родного этноса – в поэме, шпрухе, шванке,

россий¬ско-немецкой шансонной песне, Dreizeiler, Vierzeiler; стремление к интеграции внутри своего этноса – в российско-немецкой шансонной песне, послании, шпрухе, Vierzeiler, Achtzeiler.

К воплощению национального ключевого понятия “das Heim”/“die Heimat”/“(родной) дом”/“Родина” тяготеют поэма, идиллия, элегия, послание, басня, шванк, отрывок; “die Angst”/'“страх (из-за уязвимости)” – идиллия, басня, баллада; “der Weg”/“путь” – поэма, басня, баллада; “die Verbannung”/“изгнание” – поэма, идиллия, послание, басня; “das Recht”, “die Gerechtigkeit”/“право”, “справедливость” – послание, басня, молитва, псалом; “die Hoffnung”/“надежда” – идиллия, элегия, молитва, псалом.

Полную совокупность элементов этнической картины мира российских немцев и их национальных ключевых понятий отражают песня, лирическая книга, лирический цикл.

IV. На специфическую ментальность российских немцев указывает наличие объединений российских немцев, российско-немецких издательств и изданий (бумажных и виртуальных).

“Литературное общество немцев из России” [“Literaturkreis der Deutschen aus Russland e.V.”] (г. Бонн), организованное А. Гизбрехт и ныне возглавляемое И. Кайбом, – один из ярких примеров консолидации российско-немецких литераторов в Германии. У объединения есть свои печатные органы – русскоязычный альманах “Литературные страницы” и немецкоязычный “Literaturblätter deutscher Autoren aus Russland” [“Литературные страницы немецких авторов из России”]. Членами данного общества являются С. Фельде, Ф. Байер, А. Райзер, В. Мангольд, Л. Раймер, И. Бер, И. Кайб, Н. Рунде, С. Янке и мн. др.

“Eingetragener Verein der Russlanddeutschen in Berlin “Vision” [“Зарегистрированное объединение российских немцев в Берлине “Vision”] также имеет свой литературный альманах – “Berliner Literaturblätter russlanddeutscher Autoren” [“Берлинские литературные страницы российско-немецких авторов”]. В объединение входят А. Райзер, И. Кайб, Л. Раймер, И. Варкентин и другие писатели. Как видим, отдельные авторы (например, А. Райзер, И. Кайб, Л. Раймер) – участники и “Литературного общества немцев из России”, и объединения российских немцев Берлина (а также других литературных российско-немецких обществ).

В СНГ российские немцы объединяются под эгидой немецких культурных обществ – к примеру, Международного союза немецкой культуры (председатель Г. Мартенс, г. Москва), Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана (председатель А. Дедерер, г. Алматы) и др.

Одним из самых популярных издательств российских немцев на сегодняшний момент является “BMV Verlag Robert Burau” – издательство Роберта Бурау (г. Детмольд). Благодаря ему вышли в свет качественно изданные, полноцветные книги российско-немецких писателей Р. Пфлюг, Н. Ваккер, В. Гейнца, Л. Франк, А. Гизбрехт, Л. Розин, Л. Раймер, В. Мангольда, Н. Рунде и др.

В издательстве “Землячества немцев из России” (“Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V.”, председатель А. Фетч) в г. Штутгарте выходит художественная, документальная и научная литература, к примеру, книги Н. Ваккер, Р. Пфлюг, И. Варкентина, ежегодные выпуски “Heimatbuch”, исследования Р. Кайля, В. Гердта, В. Мангольда, а также ежегодный альманах “Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter” [“Своей рукой. Российско-немецкие литературные страницы”] и журнал “Volk auf dem Weg” [“Народ в пути”] (редакторы Г. Кампен, Н. Паульзен). На страницах альманаха и журнала опубликованы произведения многих российских немцев – И. Варкентина, В. Гейнца, Г. Арнгольда, В. Мангольда, Н. Пфеффер, Л. Франк, Л. Раймер, Л. Классен, а также критические статьи о российско-немецких авторах – Г. Бельгере, В. Вебере и др.

Широкую деятельность по популяризации немецкоязычной российско-немецкой литературы начал германский немец А. Бюнген (издательство “Der Geest-Verlag”, г. Фехта).

Нельзя не отметить издательство известного российско-немецкого поэта В. Вебера (“Waldemar Weber Verlag”, г. Аугсбург).

Российско-немецкие издания можно разделить на советские, постсоветские и современные.

1. Советские издания, из-за специфики времени, не освобождены от ангажированности произведений, но отличаются фундаментальностью, широкой палитрой имён. Благодаря талантливым издателям многие советские российско-немецкие антологии представляют собой высококачественные сборники. Таков знаковый, первый послевоенный альманах российских немцев “Heimatliche Weiten” [“Родные просторы”] (главный редактор Г. Вормсбехер). Или, к примеру, двухтомная “Антология советской немецкой литературы” (составитель Р. Жакмьен, редактор К. Эрлих)[34]. Множество коллективных сборников (“Hand in Hand” [“Рука в руке”], “Licht in den Fenstern” [“Свет в окне”], “Steppenlieder” [“Песни степи”] и др.), газеты с литературными страницами (“Neues Leben” [“Новая жизнь”], “Freundschaft” [“Дружба”], “Rote Fahne” [“Красное знамя”]), несмотря на большое разнообразие поэтических голосов и бесспорно талантливые имена, всё же оставляют ощущение вынужденной идейной монотонности, свойственной многим советским изданиям. Однако главную свою миссию эти издания выполняли – под прикрытием “советских” тем и девизов как средств защиты от цензуры российско-немецкая литература находила свой путь к читателю.

Стабильности выхода в печать советской немецкой литературы во многом способствовало, к примеру, алма-атинское издательство “Казахстан”.

2. Постсоветские издания, выходившие в свет в годы финансовых трудностей, в плане бытования характеризуются нерегулярностью появления в печати, прерывистостью судьбы, в аспекте содержания – принципиально новой тематикой (российско-немецкие писатели получают право во весь голос говорить о былых тяготах).

Среди постсоветских изданий наиболее популярен был литературно-художественный и общественно-публицистический альманах на русском и немецком языках “Phönix” (главный редактор Г. Бельгер, зам. главного редактора А. Шмидт, Алматы, Москва, Германия). В настоящее время в Алматы планируется его возрождение. Известен общественно-политический и литературно-художественный альманах “Morgenstern” (главный редактор Е. Миллер, г. Ульяновск; издание спорадически осуществлялось под эгидой Международного союза российских немецких писателей, основанного в 1995 г. в Саратове[35]).

3. Современные российско-немецкие издания, в связи с масштабной эмиграцией российских немцев в Германию, выходят в подавляющем большинстве там. Они отличаются разностилевыми тенденциями (традиции и новаторство), высокохудожественным дизайном. Среди новейших изданий – уже упомянутые ежегодные “Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter” [“Своей рукой. Российско-немецкие литературные страницы”] (“Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V.” [“Землячество немцев из России”]), “Berliner Literaturblätter russlanddeutscher Autoren” [“Берлинские литературные страницы российско-немецких авторов”] (“Eingetragener Verein der Russlanddeutschen in Berlin “Vision” [“Зарегистрированное объединение российских немцев в Берлине “Vision”]), “Литературные страницы” (“Литературное объединение немцев из России”). “Землячество немцев из России”, помимо изданий “Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter” и “Volk auf dem Weg”, выпускает двуязычный, немецко-русский литературный альманах “Landsleute” [“Земляки”] (редактор О. Акулов).

На страницах другого редактируемого О. Акуловым издания “Пенаты”, главная цель которого “создание некого пространства русского слова, в котором будут существовать и находить выход к читателю авторы, пишущие по-русски”[36], увидели свет произведения Н. Лёзер, В. Шмидта, А. Либрехт и др.

В журнале В. Батшева “Литературный европеец” [“Literarischer Europäer”], (Франкфурт-на-Майне) были изданы произведения таких российских немцев, как И. Гергенрёдер (собственный корреспондент “Литературного европейца” по землям Берлин и Бранденбург), Р. Лейнонен, Е. Мауль, В. Гергенредер, И. Циммерманн, Р. Шульц и др.

Литературное объединение “Edita Gelsen” (г. Гельзенкирхен) под руководством А. Барсукова занимается выпуском коллективных и авторских литературных сборников. Из продукции “Edita

Gelsen” наибольшую популярность имеют литературные альманахи “Век XXI. Международный альманах” и “Portfolio” и литературный журнал “Edita”. Будучи ответственным редактором этих изданий, А. Барсуков знакомит русскоязычную публику с произведениями эмигрантской литературы, в том числе российско-немецкой. Читатель приобщается к произведениям не только эмигрантов, но и отдельных авторов из СНГ, чьи переживания во многом близки эмигрантским (“внутренние эмигранты”). “Век XXI. Международный альманах” выходит один раз в год. “Edita” – литературный журнал объединения “Edita Gelsen” – выходит ежеквартально. Отдельные авторы перетекают из одного издания А. Барсукова в другое: границы этих изданий условны, иерархия, хотя и заметна, но не абсолютна.

Проявляет стабильную активность альманах “Встреча”, печатный орган творческого объединения “Лира” (руководитель объединения и редактор альманаха Ю. Герловин, г. Штутгарт). Известны альманахи “Берлинская лазурь” (редактор Л. Герман, г. Берлин), “Пилигрим” (редактор С. Фельде, гг. Кёльн, Кассель). Среди представителей других национальностей российско-немецкие авторы приглашаются в альманах “Семейка” (редактор В. Авцен, г. Вупперталь).

Внимание российско-немецкой диаспоре уделяют альманахи “Родник” (главный редактор С. Штафинский, г. Висбаден) и “Слово” (редакторы Е. Моргачёва, С. Лифшиц, г. Эрфурт). В “Роднике”, издании одноимённого образовательного центра, одна из целей которого обучение детей русскому языку, напечатаны произведения К. Петкау, К. Гейна, Р. Шульца и др. Журнал “Слово”, издание Литературного объединения русскоязычных литераторов Тюрингии “Словесность”, опубликовал таких авторов, как Р. Лейнонен, Л. Розин, В. Гергенредер. На данный момент журнал “Слово” временно прекратил своё существование.

Внимание литературе уделяют и российско-немецкие газеты – к примеру, двуязычное издание “Diplomatischer Kurier. Russlanddeutsche Allgemeine Zeitung” [“Дипломатический курьер. Российско-немецкая всеобщая газета”] (главный редактор К. Эрлих, г. Гамбург).

Отдельные сборники выходят на постсоветском пространстве – см., к примеру, 2-томную антологию “Zwischen “Kirgisen-Michel” und “Wolga, Wiege unseren Hoffnungen” [“Между “Kirgisen-Michel” и “Волга, колыбель наших надежд”] (г. Славгород), в которой вышли произведения Франца Шиллера, З. Эстеррайхера, Ф. Больгера, Д. Гольмана, А. Закса, П. Зиннера, О. Клинга, Р. Вебера и др. Эта антология является специальным изданием “Zeitung für Dich” [“Газеты для тебя”]. Особый интерес представляет сборник молодых российско-немецких поэтов “Мой голос – моему народу”, вышедший под эгидой Российско-Немецкого Дома при поддержке Германского общества по техническому сотрудничеству, GTZ (г. Москва). На страницах этого альманаха опубликованы произведения таких молодых авторов, как А. Шторц, С. Шайдт, О.-М. Классен, Ю. Флек, Т. Шпулинг и др. Российско-немецкие художественные издания в СНГ – на данный момент явление редкое и нерегулярное.

Газеты “Deutsche Allgemeine Zeinung” [“Немецкая всеобщая газета”] (главный редактор О. Клименко, г. Алматы) и “Moskauer Deutsche Zeitung” –“Московская немецкая газета” (главные редакторы Й. Штаппенбекк, Л. Худикова, г. Москва) всегда открыты для литературных тем. Произведения российских немцев можно встретить на страницах московского журнала “Gemeinschaft” [“Содружество”] (главный редактор Л. Худикова, г. Москва).

Российско-немецкие издания выходят как на двух языках, русском и немецком (литературно-художественный и общественно-публицистический альманах на русском и немецком языках “Phönix” [“Феникс”], Москва), так и только на русском (альманах “Пенаты”, г. Лейпциг) или только на немецком (журнал “Volk auf dem Weg” [“Народ в пути”], г. Штутгарт). Становятся востребованными практика параллельного издания русского и немецкого выпусков, ориентированных на разный круг авторов и читателей (см. альманах “Литературного общества немцев из России” “Литературные страницы”/“Literaturblätter deutscher Autoren aus Russland”, г. Бонн), и перевод произведений на оба языка двументального этноса. Под влиянием немецкой и

русской фонетических традиций в печати возникает вариативность при написании фамилий российско-немецких авторов: к примеру, Alexander Reiser – Райзер, Рейзер, Резер.

Российско-немецкая литература активна и в Интернете – к примеру, на литературных сайтах “Стихи.ru”, www.stihi.ru/ (А. Гринвальд, А. Дитцель, О. Эйрих, О. Гвин, Ю. Хафнер и др.), “Проза.ru”, www.proza.ru/ (И. Шварц, А. Фишер), “Полутона”, http://www.polutona.ru/ (Р. Шварц, А. Дитцель), на общественном сайте “Информационно-справочное агентство российских немцев”, http://www.rusdeutsch.ru/ (Р. Кесслер, В. Вильмс) и др. Интересна литературная web-страница Э. Матера, пишущего стихи и прозу (http://www.edarmer.de/). На звуковом сайте Д. Драгилёва (http://radio-akzent.de/) есть интервью с российско-немецкими писателями, например, с Р. Лейноненом.

Итак, перечисленные в исследовании факты подтверждают двументальный характер российско-немецкой литературы. Пограничное положение между немецкой и русской (а также другими национальными) традициями обусловило как положительные, так и негативные стороны их творчества. Двуязычие, многогранность этнического представления о мире обогащают российско-немецкую литературу, однако её маргинальное положение и территориальная разрозненность авторов затрудняют бытование произведений и поиск читателя.

Критики, литературоведы и сами российско-немецкие писатели склонны считать российских немцев своеобразным этносом. Создание художественных “родословных”, обострённое внимание авторов к своим корням открывают осознание российскими немцами их двументальности. На этническую двойственность также явно указывают тематические и хронотопические элементы произведений. Множество переводов с русского языка на немецкий, с немецкого на русский, вкрапления в русскоязычную ткань немецких слов и в немецкоязычную – русских, обращение одновременно к немецким и русским мотивам и аллюзиям – свидетельства российско-немецкой самоидентификации. Ряд российско-немецких объединений, издательств и изданий указывает на стремление российских немцев к интеграции внутри своего этноса. Творческое мышление российских немцев как самостоятельного своеобразного этноса отличается устойчивостью.

Самоидентификация российских немцев прослеживается не только на зримых, но и в глубинных пластах их литературы – жанровые процессы и признаки сопрягаются с этническими, создавая особую национальную комбинаторику жанровых мотивов.

Самоорганизация российско-немецких литераторов, с одной стороны, способствует их интеграции в российско-немецкой среде, с другой – может препятствовать их полноценной литературной коммуникации. Контакт с “чужой” культурой необходим российско-немецким литераторам не только как способ возбуждения новой творческой энергии, генерации текстов, но и как способ поиска читателя, поскольку российские немцы в разное время оказываются внутри “другой” для их основной естественно-языковой установки культуры: сначала – внутри русской культуры (эмиграция в Россию), затем, обрусев, – внутри немецкой (обратная эмиграция в Германию).

Перемещения российских немцев как этноса создали определённую их изоляцию в литературном процессе.

Писателям-российским немцам важно не только консолидироваться внутри своей национальной группы, но и вливаться в многонациональные литературные объединения. Российско-немецким литераторам, живущим в Германии, необходимо осваивать немецкий язык как язык творчества или публиковать русскоязычные произведения в российской литературной периодике и выходить на российский книжный рынок.

Субкультурность российско-немецкой литературы способствует сохранению этнических традиций, русско-немецкой двументальности, генерации нового на стыке русской и немецкой культур.

1. От редакционной коллегии // Немцы России: энциклопедия. Т. 1. / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.), А.

Айсфельд, В. Бем, С. Бобылева и др. – М.: ЭРН, 1999. – С. 7.
2. Немцы // Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В. Тишков. Редколл.: В. Александров, С. Брук и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – С. 247.
3. Бельгер Г.К. Эволюция национального самосознания в творчестве российских немецких писателей. Выступление на семинаре “Отражение в литературе духовного и национального сознания народа Казахстана” 17 апреля 1997 г. // Бельгер Г.К. Помни имя своё. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – Алматы: Гылым, 1999. – С. 150.
4. От редакционной коллегии // Немцы России. Т. 1. – С. 7.
5. Бельгер Г.К. Там же. – С. 38.
6. Бадиков В.В. Линия судьбы. Творчество Бахытжана Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи. – Алматы: Жибек жолы, 2002. – С. 49.
7. Письма К. Эрлиха Е. Зейферт от 23 сентября 2004 и 14 октября 2004 г. по поводу билингвизма. Гамбург – Караганда // Личный архив Е. Зейферт.
8. Брунов А. Виктор Гагин: “Это чисто русское слово – воля…” // Люди и песни. – № 5 (7). – Сентябрь-октябрь. – М., 2005. – С. 44.
9. Зейферт Е. Исторические и фольклорные корни Игоря Гергенрёдера // Deutsche Allgemeine Zeitung. Wochenzeitung der Deutschen in Kasachstan für Politik, Wirtschaft und Kultur. – № 38 (8191). – 23.-29. September. – S. 10, 11. [Немецкая всеобщая газета. Еженедельник немцев Казахстана по политике, экономике и культуре.– № 38 (8191). – 23.-29. сентября. – С. 10, 11].
10. Зейферт Е. Молодая сказочница Надежда Рунде // Deutsche Allgemeine Zeitung. Wochenzeitung der Deutschen in Kasachstan für Politik, Wirtschaft und Kultur. – № 12 (8217). – 31. März – 6. April 2006. – S. 7. [Немецкая всеобщая газета. Еженедельник немцев Казахстана по политике, экономике и культуре. – № 12 (8217). – 31 марта – 2006. – С. 7].
11. Фишер Л. “Судьба российских немцев – не только их личное дело”. Литератор Вальдемар Вебер отвечает на вопросы нашего корреспондента. – Европа-Экспресс. – Берлин. – № 36 (339). – 30 августа – 5 сентября 2004. – С. 5.
12. Лейнонен Р. Жизнь на полустанке. Биографическая повесть. – Лауша, 1999. – Ч. 1. – С. 90, 91, 94, 99, 104, 159-160 и др.
13. Лейнонен Р. И снова о немцах России // Путь в ничто по шпалам Отечества. Публицистика. – Лауша, 1999. – С. 169.
14. Лейнонен Р. Чужестранцы без родины // Указ. соч. – С. 196.
15. Цит по: Павловский А. Ольга Берггольц // Берггольц О.Ф. Т. 1. Стихотворения 1924-1941. Проза 1930-1941 гг. / Вступ. ст. А. Павловского, сост. М. Берггольц, примеч. Т. Голованoвой. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 31.
16. Баева Н. У российско-немецкой литературы нет будущего: так считает детская писательница Нора Пфеффер. – Европа-Экспресс. – Берлин. – № 26 (329). – 21-27 июня. – 2004. – С. 5.
17. Там же.
18. Бельгер Г.К. На распутьях бытия и духа // Помни имя своё. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – Алматы: Гылым, 1999. – С. 10.
19. Там же. – С. 11.
20. Бельгер Г.К. Российские немцы и пишут, и печатаются // Указ. соч. – С. 130.
21. Ehrlich K.W. Lose Blätter. – A-Ata: Kasachstan, 1982. – 150 S. [Эрлих К.В. Эскизы. – А-Ата: Казахстан, 1982. – 150 с.]; Ehrlich K. W. Lebendiges Erbe. – A-Ata: Kasachstan, 1988. – 380 S. [Эрлих К.В. Живое наследие. – А-Ата: Казахстан, 1988. – 380 с.].
22. См. об этом: Эрлих К.В. <Вступление> // Сулейменов О. Избранные стихи / Сост. и вступ. ст. К. Эрлиха. – Алматы, 1987. – С. 11.
23. См., к примеру: Engel-Braunschmidt A. Russlanddeutsche Literatur im Lexikon // Moritz A. Lexikon der russlanddeutschen Literatur. – Düsseldorf: Klartext Verlag, 2003. – S. 7-9 [Энгель-Брауншмидт А. Российско-немецкая литература в справочнике // Моритц А. Справочник российско-немецкой литературы. – Дюссельдорф: Кларт текст, 2003. – С. 7-9]; Engel-Braunschmidt A., Heithus C. Bibliographie der sowjetdeutschen Literatur von den Anfängen bis 1941. Ein Verzeichnis der in Buchform erschienen sowjetdeutschen Publikationen. – Köln/Wien: Böhlau, 1990. – 110 S. [Энгель-Брауншмидт А., Гайтгус К. Библиография советско-немецкой литературы от истоков до 1941. Указатель советских публикаций в форме книг. – Кёльн-Вена: Бёлау, 1990. – 110 с.]; Engel-Braunschmidt A. Rezension (Pörtner R. Heimat in der Fremde. Deutsche aus Rußland erinnern sich. – Düsseldorf/Wien (u.a.): Econ, 1992) // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom XVIII. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges – Neue Folge Band III. – Heft 1. – Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1994. – S. 265-268. [Энгель-Брауншмидт А.

Рецензия (Пёртнер Р. Родина на чужбине. Немцы из России вспоминают. – Дюссельдорф-Вена: Экон, 1992) // Северо-восточный архив. Журнал региональной истории немцев в Санкт-Петербурге и Москве от XVIII века до начала первой мировой войны. – Новая часть III тома. – Тетрадь 1. – Люнебург: Издательство произведений культуры северо-востока, 1994. – С. 265-268].
24. Moritz A. Lexikon der russlanddeutschen Literatur. – Düsseldorf: Klartext Verlag, 2003. – 208 S. [Моритц А. Справочник российско-немецкой литературы. – Дюссельдорф: Клартекст, 2003. – 208 с.]
25. Ritter A. Literarische Belanglosigkeiten oder ignorierte Literatur? Wachsendes Interesse für die deutschsprachige Literatur des Auslands // Kulturpolitische Korrespondenz. – № 303/304 von 30.04.1977. – S. 20-21 [Риттер А. Литературные мелочи или игнорируемая литература? Растущий интерес к немецкоязычной литературе зарубежья // Культурно-политическая коррепонденция. – № 303/304 от 30.04.1977. – S. 2-21].
26. Вебер В. Не утратив внутренней свободы // Лира семи городов: Стихи / Пер. с нем. Сост. В. Вебера и Е. Витковского; вступ. ст. и справки об авторах В. Вебера. – М.: Худож. лит, 1992. – С. 3.
27. Ананьева С.В, Зейферт Е.И. Немецкая литература // Литература народов Казахстана. – Алматы: Гылым, 2004. – С. 161.
28. Цит. по: Ананьева С.В., Бабкина Л.М. Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса. – Алматы, 2004. – С. 14.
29. См. к примеру: Ескуатова Ж. Диалог культур в публицистике Г. Бельгера // Германия – Центральная Азия – диалог культур: история, современность, перспективы: [Deutschland – Zentralasien – Dialog der Kulturen: Geschichte, Gegenwart, Perspektiven]: Мат. Международной научн.-пр. конф. – Алматы, 2002. – С. 186-191; Ескуатова Ж. Герольд Бельгер. – Алматы: ТОО Издательский дом “Казахстан”, 2003. – 270 с.
30. Перевод автора статьи.
31. Paulsen N. Hugo Wormsbecher: “Der Almanach “Heimatliche Weiten” und die russlanddeutsche Nachkriegsliteratur” // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 2006. – Stuttgart: Herausgeber: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V., 2006. – S. 187. [Паульзен Н. Гуго Вормсбехер: альманах “Родные просторы” и российско-немецкая послевоенная литература // Heimatbuch немцев из России 2006. – Штутгарт: Землячество немцев из России, 2006. – С. 187].
32. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. Введение // История немцев России. Учебное пособие. Т. 1. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С 5.
33. Paulsen N. Hugo Wormsbecher: “Der Almanach “Heimatliche Weiten” und die russlanddeutsche Nachkriegsliteratur” // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 2006. – Stuttgart: Herausgeber: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V., 2006. – S. 187. [Паульзен Н. Гуго Вормсбехер: альманах “Родные просторы” и российско-немецкая послевоенная литература // Heimatbuch немцев из России 2006. – Штутгарт: Землячество немцев из России, 2006. – С. 187].
34. Anthologie der sowjetdeutschen Literatur. In 3 Bänden / Auswahl R. Jacquemien, Verantw. K. Ehrlich. – A-Ata: Kasachstan, 1981. [Антология советской немецкой литературы. В 3 т. / Сост. Р. Жакмьен, ред. К. Эрлих. – А-Ата: Казахстан, 1981].
35. См. об этом: Бельгер Г.К. Безголосым народ быть не может // Бельгер Г.К. Указ. соч. – С. 138.
36. Акулов О. “Пенаты”: пространство русского слова // Diplomatischer Kurier. Russlanddeutsche Allgemeine Zeitung. Дипломатический курьер. Российско-немецкая всеобщая газета. – № 1-2 (63-64). – Гамбург. – 2004. – С. 8.